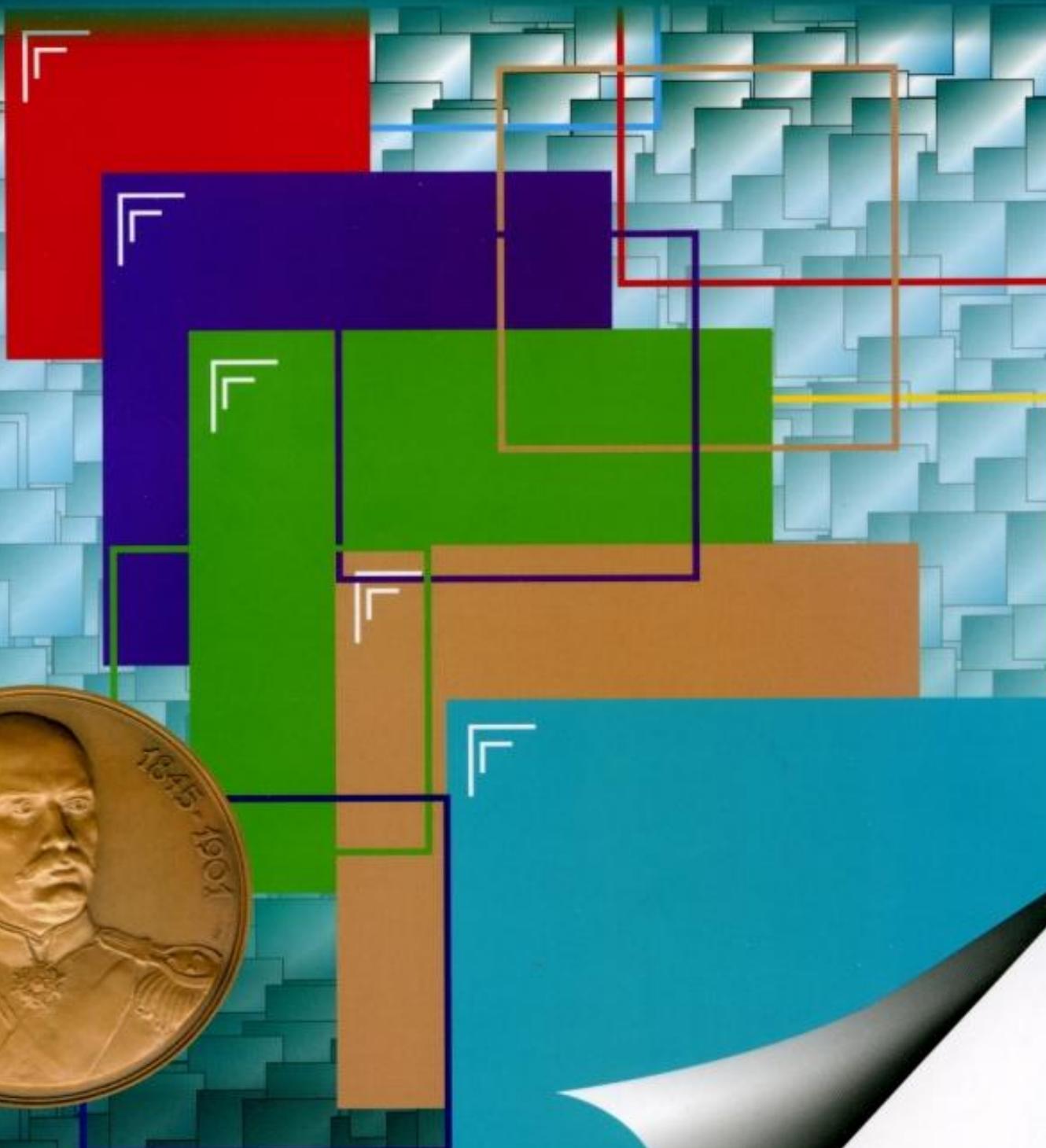

ISSN 1683-9102

КЛИНИЧЕСКАЯ ПАТОФИЗИОЛОГИЯ

CLINICAL PATHOPHYSIOLOGY

3 • 2014

«УДАР МОЛНИИ» (ПО СЛЕДАМ ШЕЛОНСКОЙ БИТВЫ)

Ю. Г. Алексеев¹, Н. Н. Епишев²

¹ ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет Правительства Российской Федерации», Санкт-Петербург

² настоятель храма Покрова Божией Матери, с. Борисово Старорусского района Новгородской области

Abstract. The article deals with one of most remarkable events in military history of medieval Europe – swift as lightning rout of Novgorod.

Key words: Ivan III, Novgorod, boyars, river Shelon

Основной факт политической истории Земли Русской в 60-х гг. XV века – приход к власти в Москве великого князя Ивана Васильевича (за которым закрепилось имя Иван Третий, хотя некоторые историки далеко не без основания называют его Иваном Великим). До 1462 г. он был соправителем слепого отца (так называемого Василия Темного).

Геополитическое и геостратегическое положение Руси определялось двумя основными факторами – политической зависимостью от татарской Большой Орды и наличием удельной системы – феодальной раздробленностью. Каждый князь был фактически полновластным хозяином в своем уделе, имел собственное войско (служилых людей) и собственный аппарат управления. Духовная грамота (завещание) Василия Темного в очередной раз фиксировала это традиционное положение: власть великого князя Московского была в значительной мере номинальной.

Оплотом удельно-вечевой старины и самым уязвимым местом в системе политической структуры Русской земли в те годы стал Великий Новгород, находившийся под властью своего могучего боярства, которое владело огромными вотчинами и фактически заправляло новгородским вечем. Источником богатства новгородских бояр были не только земли, но и колонии на русском Севере – здесь добывался ценнейший для того времени экспортный товар: драгоценные меха, шедшие по балтий-

ским волнам в Западную Европу. В обмен новгородские бояре получали импортные товары – серебро, оружие, драгоценные вина... Балтийская торговля Новгорода была в руках немецких купцов, с которыми бояре легко ладили. В Великом Новгороде процветал центр немецкой торговли – Ганзейский двор.

Новгородским боярам вовсе не нужна была сильная власть великого князя Московского – они признавали ее только формально. Гораздо больше нравились им порядки в соседнем Польско-Литовском государстве, где местные магнаты сводили власть своего короля фактически к нулю (за что в XVIII веке Польша расплатится своей гибелью и только в XX веке обретет государственность).

Весной 1471 г. боярство пригласило за новгородский стол короля Казимира IV и заключило с ним договор против великого князя Московского. В марте договор был подписан, но еще не ратифицирован. Приглашение короля-католика и союз с ним означали прямую измену России, более того – отчуждение от Русской Православной церкви, что имело особо важное значение для средневекового миропонимания. Одновременно велись переговоры о совместном выступлении короля Казимира и хана Ахмата против Руси. А Ливонский орден готовился напасть на Польшу.

После долгих безуспешных переговоров с новгородским боярством великий князь Иван принимает решение о походе на Новгород. Поход в весенне-летнее время связан с большим риском в силу физико-географических условий театра военных действий (ТВД).

Рис. 1

Наиболее осторожным и традиционным было бы дождаться, когда замерзнут реки, озера и болота, которыми густо насыщена Новгородская земля, и двигаться в поход зимними дорогами, как это делали все прежние князья (рис. 1). Но это означает отсрочку похода на 5–6 месяцев. На это, видимо, и рассчитывали новгородские сепаратисты. За это время договор с Казимиром мог реально вступить в силу, как и договор короля с ханом Ахматом. Политическая обстановка могла принципиально измениться в пользу врагов Русской земли.

Великий князь Иван решает начать поход немедленно — как только подсохнет земля после весеннего паводка. Политические соображения — государственные интересы — заставляют идти на риск. Стратегия служит политике, т. е. государству. В интересах государства надо идти на риск.

Чем важнее поставленная цель, тем выше уровень риска. Без риска нет победы. Но победа должна оправдывать риск. Величайшие полководцы мировой истории — Александр Македонский, Ганнибал, Цезарь, Бонапарт, Суворов — достигали великих побед, идя на величайший риск.

Перед великим князем Иваном Васильевичем весной 1471 г. стоял риск, не меньший, чем перед Александром Македонским и Ганнибалом. Все висело на во-

лоске, дождливое лето могло привести к гибели великокняжеского войска — и следовательно, не только к стратегической, но и к политической катастрофе. Тем не менее осмотрительный, осторожный, по всем нашим известиям о нем отнюдь не похожий на античного героя — полководца, великий князь Иван принимает решение идти на такой риск.

Почему? Весной-летом 1471 г. речь идет не о лаврах полководца, не о разгроме вражеских империй, а о спасении своей страны — православной Русской земли.

События 1471 г. многократно изучались в исторической науке. Главное внимание уделялось, как правило, вопросам политических отношений. Но летняя кампания 1471 г. как феномен военной истории заслуживает отнюдь не меньшего внимания. Перед нами — молниеносная кампания в условиях русского Средневековья, не имеющая аналогов в современной Европе.

Над Новгородской землей действительно проносится гроза. 18 июля новгородским властям вручается «разметная грамота» — формальное объявление войны. А великокняжеские войска, разделенные на три походных эшелона, уже стоят на границе Новгородской земли.

Стратегическая операция глубиной более 500 верст на главном направлении рассчитана чуть ли не по дням (см. рис. 1). Ставка великого князя идет во втором

Рис. 2

шшелоне, не теряя оперативной связи с первым – ударным эшелоном. И когда воеводы первого эшелона, одержав победу над новгородской ладейной флотилией на Ильмене, принимают решение повернуть на юго-восток для овладения крепостью Демон (ныне Демянск), великий князь 8 июля отменяет это решение и повелевает двигаться на северо-запад для соединения с союзниками-псковичами. Это решение Ставки отвечает одному из основных принципов военного искусства. Как три века спустя писал непобедимый фельдмаршал Румянцев, «искусство военное... состоит в одном том, чтобы не держать всегда в виду главную причину [цель] войны... Полководец в предмете имеет один главный пункт и к оному течет со всем устремлением, поелику одолением оного опровергает все другие, от него зависящие».

Этот принцип стратегического здравого смысла можно назвать «принципом Румянцева». Через несколько десятков лет ту же мысль высказал своими словами великий Наполеон (правда, уже после своего разгрома), и она стала всеобщим достоянием.

Стратегические принципы реализуются на оперативно-тактическом уровне. Решение великокняжеской Ставки, принятое 8 июля на озере Коломно, приводит 14 июля 1471 г. к Шелонской битве (рис. 2). Кампания против боярских сепаратистов решена одним ударом. Боярский Великий Новгород пал. Антирусская коалиция в составе Литвы, хана, возможно, Ливонского ордена развалилась, как много лет спустя

победа Бонапарта при Маренго положила конец Второй коалиции против Франции.

Кампания 1471 г. – яркий пример гармоничного сочетания политики, стратегии, оперативного искусства и тактики. Стратегическая наступательная кампания с целью полного разгрома противника на глубину более 500 верст на двух операционных направлениях – главном – новгородском и вспомогательном – северо-двинском (см. рис. 1)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большой риск приносит большую победу. На Шелони старая удельная вечевая система получила смертельный удар. Начиналось новое время – время единого Российского государства. На берегах Шелони родилась новая, единая Русь,

Рис. 3

о чем свидетельствует памятный знак, установленный на месте сражения (рис. 3). Впереди новые задачи: свержение ордынского ига, борьба за возвращение земель, захваченных Литвой и Польшей, борьба за свободу мореплавания на Балтике... Но уже стоит крепко единая Русь со своим красным Кремлем, со своей святыней —

Успенским собором, со своим авторитетом великой державы, оплотом православия. И на Западе, и на Востоке ценят дружбу с Россией, и русский посол при дворе османского султана, в отличие от всех европейских послов, не встал на колени, чем вызвал удивление других послов и самого падишаха.